

DOI: 10.15643/libartrus-2023.4.4

Основания социальной солидарности для современной России

© Р. Х. Лукманова*, И. В. Фролова

Уфимский университет науки и технологий

Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, улица Заки Валиди, 32.

*Email: lukmanovark@mail.ru

В статье исследуются проблема поиска общих оснований и форматы для восстановления социальной солидарности в постсоветской России. Авторы апеллируют к наследию российской общественно-политической мысли XIX в. (П. Л. Лавров, М. И. Туган-Барановский, М. М. Ковалевский), рассматривавшей кооперативность как основу социальной солидарности. Базисом для современной модели кооперации могут быть микросоциальные практики, включающие семейную, этноконфессиональную и неформальную солидарность. Характеризуя данные разновидности солидарности, авторы обращают внимание на их центральный характер. Задачи консолидации российского общества диктуют необходимость культивирования центростремительных консолидационных трендов, основой которых может стать гражданская солидарность. Интеграция разных форм солидарности посредством развития механизмов гражданского участия, а также практики воспитания солидарности, могут стать основой для социальной сплоченности и согласия, отказа от принуждения к солидарности.

Ключевые слова: солидарность, П. Л. Лавров, М. И. Туган-Барановский, М. М. Ковалевский, кооперативность, консолидация общества, семейная солидарность, этноконфессиональная солидарность, неформальная солидарность, гражданская солидарность.

Современное российское общество испытывает дефицит социальной солидарности, под которой мы понимаем социальную сплоченность и согласие, обуславливающие социальную координацию и порядок, готовность к совместным действиям больших групп людей. Исследователи констатируют кризис солидарности и связанные с ним алармистские настроения. Однако, по справедливому высказыванию В. В. Ильина, кризисными потрясениями человечество сегодня не испугать, поскольку динамика сложноорганизованных многокомпонентных систем а priori их предполагает. [1, с. 3]. Вопрос в том, что станет аттрактором для новой модели солидарности в современной России.

Теоретики и практики осмысливают разные варианты обретения социальной солидарности, начиная от воспитания ее у подрастающего поколения посредством культивирования патриотизма (проявлением этого являются ставшие обязательной частью учебной программы общеобразовательных школ «Разговоры о важном» и введенный в программы высших учебных заведений курс «Основы российской государственности»). Подобные тренды вписываются в логику возвращения к осмысленной гуманитаризации образования и в перспективе могут способствовать повышению социальной консолидации за счет понимания общей судьбы, единства с историей Отечества.

Еще один вариант – принуждение к солидарности, проявляющееся, с одной стороны, в навязчивой пропаганде через официальные средства массовой информации идеи самобытности российской цивилизации, ее противопоставления западной культуре, манифестация

непреложного значения традиционных ценностей. С другой стороны, оно проявляется в борьбе с инакомыслием, о чем свидетельствует регулярное пополнение реестра «иностранных агентов», блокировка интернет-сайтов, закрытие ряда оппозиционных изданий и т.п. В этом можно усмотреть попытки реанимации советской модели солидарности, построенной на этатистских принципах (не случайно сегодня в политическом дискурсе часто звучит тема единения советского народа в годы Великой Отечественной войны как проявления общих ценностей и норм, привитых советским гражданам). Попытки принуждения к солидарности едва ли будут успешными в связи с деградацией факторов макросоциальной среды после распада Советского Союза, включая социалистическую экономику, отсутствие выраженной дифференциации по экономическому принципу, наличие общественного идеала (коммунистическое общество), интернационализма (концепт «советский народ»), массовых общественных организаций (включая молодежные движения).

Точкой роста социальной солидарности могут быть внешние вызовы и коллективные травмы, кульминацией которых стало начало специальной военной операции на Украине, что нашло отражение, в частности, в отечественном сегменте социальных сетей. Это подтвердил контент-анализ сообщений социальных сетей, отражающий социальную рефлексию происходящих событий. В то же время сопровождающие конфликт экономические санкции и рост антироссийских настроений за рубежом порождают не только усиление идентичности и консолидации внутри страны, но и углубляют общественный раскол, поляризируя общество на тех, кто «за», и тех, кто «против» [2, с. 149–155].

Возможность формирования солидаристской установки не сверху, а снизу, тем не менее остается. В современной России существуют специфические микросоциальные практики, дающие шанс обретения социальной солидарности «от корней травы». В качестве возможных вариантов не вертикальных, а горизонтальных каналов кристаллизации социальной солидарности выступают семейная, этноконфессиональная, неформальная солидарность. В то же время возникает вопрос – объединяя одних, не выступают ли эти формы солидарности препятствием для более широкой консолидации? Способны ли они образовать каркас общегражданской солидарности, воплощающей принципы социальной сплоченности и согласия?

В традиции отечественного философствования проблемы солидарности часто рассматривались в контексте «кооперативности». Понятие кооперации мы обнаруживаем у многих российских исследователей XIX в., которые рассматривали ее как социальное явление, позволяющее согласовывать интересы различных слоев общества и достигать социальной гармонии.

Принципиально важным является то, что кооперативность и солидарность как понятия увязывались с определением критериев общественного прогресса. Рассуждая об этих критериях, другой известный российский мыслитель – П. Л. Лавров – полагал, что одним из важнейших условий построения здорового и прочного общества является именно солидарность между личностями. Ее наличие приведет к тому, что личный интерес совпадет с общественным, и личное достоинство будет гарантировано уважением к достоинству всех членов общества. Гарантом существования подобного «здорового» общества могла быть только кооперация, а не конкуренция личных интересов [3].

Идеи П. Л. Лаврова поддержал и развил еще один представитель молодой российской социологической мысли – Н. К. Михайловский. Размышляя над проблемами соотношения личного и общественного, солидарности и взаимопомощи, критериями прогресса, мыслитель говорил о том, что «нравственно, справедливо, разумно и полезно только то, что уменьшает

разнородность общества» [4]. Иными словами, подчеркивалась прямая связь нравственности, солидарности и кооперации общественных усилий.

Оригинальная трактовка солидарности принадлежит М. И. Туган-Барановскому, известному своими антиэтатистскими взглядами. Альтернативой государственному устройству он считал самоорганизацию граждан на основе солидарности и кооперации. Мыслитель доказывал, что, если коллективизм основан на принуждении, на власти большинства над меньшинством, то кооперация представляет собой хозяйственный и общественный союз, построенный на принципах свободы. В отличие от грубого и насильственного коллективизма, кооперация является началом более высоким и свободным, и социальный идеал, по М. И. Туган-Барановскому, – это и есть общество как свободный кооператив, союз свободных людей [5]. Близкие антиэтатистские взгляды развивает в своих работах Л. И. Мечников, считавший кооперацию наиболее характерной чертой социальной жизни, и веривший в то, что возможно достичь такого состояния в развитии общества, когда государство как институт принуждения исчезнет, уступив место вольным союзам свободных людей, способных к кооперации и самоорганизации [6].

Еще один выдающийся русский мыслитель, чье имя связывают с разработкой проблем солидарности, М. М. Ковалевский, создававший свою концепцию социальной солидарности одновременно с такими корифеями западной социологии и социальной мысли, как Л. Буржуа и Э. Дюркгейм. Она представляет собой попытку динамического соединения принципов свободы личности с равенством и требованиями общественной жизни. Именно эти три понятия характеризовали общественный идеал в понимании М. М. Ковалевского – свобода, равенство, солидарность. Прогресс для него – это ряд концентрических кругов, каждый из которых – не что иное, как все большее расширение человеческой солидарности [7, с. 82]. Мыслитель исходил из того, что в первобытных группах солидарность изначально определяется тем, что у людей есть представление об их действительном или гипотетическом родстве, существует уравнительное равенство и отсутствует личностное самосознание («единство рода»). Впоследствии солидарность поддерживается благодаря репрессивным и карательным нормам, направленным против всех, кто совершает действия, противные солидарности, причем задачами легитимации было обусловлено и религиозное обоснование правовых норм, преподносимых как дар Божий («патриотизм»). Новый концентрический круг солидарности – это «космополитизм», которому предстоит возникнуть вследствие появления различных региональных союзов совместно с формированием всемирных федераций.

Возвращаясь к реалиям постсоветской России, напомним, что демонтаж этатистской модели солидарности привел к тому, что она была в итоге сведена до уровня «низовой организации», когда люди стали солидаризироваться с узкими, преимущественно примордиальными общностями. Применительно к современному российскому обществу семья также сохраняет статус примордиальной группы, в которой естественным образом воспроизводится солидарность. Отношения между родственниками и друзьями относятся к так называемым «сильным связям», что демонстрирует мощный интеграционный потенциал семьи. Выполняя роль «буферной» области, осуществляющей функции эмпатического ретранслятора, семья может переносить эмоционально значимые установки с более узкой семейной сферы на более пространственные области (национальная, гражданская, социальная и т.п.). В то же время апелляция к ресурсам семейной консолидации может быть чревата клановостью, что с очевидностью проявилось как в постсоветской России, так и в других странах на постсоветском пространстве.

Дискредитация всего советского в постперестроечный период привела к тому, что ценности надэтнического единства были размыты, а ценности этнической гомогенности, напротив, реанимированы. На всем постсоветском пространстве стал наблюдаться рост этно-национального самосознания, связанный с возрождением некогда существовавших этнических ценностей народов России. Рост национального самосознания актуализировал другую проблему, а именно – рост ксенофобии, чреватый трансформацией патриотизма в национализм. Об этом, по мнению Х. И. Мальсаговой, свидетельствует анализ эмпирических данных с 1993 по 2017 год, демонстрирующий рост великодержавных настроений россиян, связанных с их объединением вследствие знаковых для истории страны событий, к которым относится, например, присоединение Крыма (ученые даже используют такие термины, как «крымский синдром» или «крымская мобилизация»). Также поддерживает «защитный национализм» антироссийская политика Запада, укрепляющая тем самым идеологию «особого пути» России. Фиксируемая социологами мобилизационная солидарность в определенной степени нивелирует внутреннюю противоречивость российского общества, связанную с неравенством – материальным, статусным, классовым, – поскольку существуют группы солидарностей, исповедующих противоположные ценностные и стратегические ориентации [8].

Консолидационным ресурсом современного российского общества является неформальная взаимопомощь, инструментом которой сегодня являются социальные сети. В целях выживания и решения целого ряда проблем население использует значительный объем нерегламентированных повседневных практик и связей, что связано с воспроизводящимся недоверием к формальным институтам. Как правило, инициирует создание неформальных сетевых сообществ, имеющих интернет-сайты, какая-либо чрезвычайная ситуация, требующая консолидации индивидов – так возник ресурс «Виртуальная рында» (в ее рамках еще в 2010 г. появилась «Карта помощи при пожарах» – первый российский краудмэппинговый проект) или программа «Соседи» (кооперативная потребительская некоммерческая программа на основе сетецентричной модели). Отдельная группа – это разного рода локальные чаты, включая родительские группы, направленные на решение постоянно возникающих проблем. Взаимопомощь может проявляться и в формате интернет-проектов, направленных на сбор средств, при этом она может носить характер благотворительности, то есть не требовать вознаграждения.

Задачи консолидации российского общества диктуют необходимость культивирования центростремительных консолидационных трендов, основой которых может стать гражданская солидарность. Гражданственность позволяет на уровне эмпатии связывать экспрессивно-символические компоненты социетального нормативного каркаса с государственной системой. Этим объясняется высокая интеграционная значимость гражданской солидарности [9]. Основным ресурсом формирования гражданской солидарности в обществе являются неполитические практики, осуществляемые наиболее активными членами общества. Стимулом для неполитических активистов выступает солидарность как таковая, а для политических активистов приоритетным является разделение по принципу «свой-чужой». На сегодняшний день есть исследования, подтверждающие, что в российском обществе развиваются базовые, неполитические формы гражданской активности. Об этом свидетельствуют появление целого ряда взаимосвязанных и независимых от государства коммуникационных сетей, их обособление от политической сферы, политических организаций и субъектов политики. Рост гражданской активности и гражданского участия подтверждают данные регулярных социологических опросов населения, проводимых фондом «Общественное мнение». Хотя преобладающее количество россиян –

это люди с низкой гражданской активностью (58%), процент россиян с повышенной гражданской активностью составляет остальные 42%. Они включают в себя такие категории активных граждан, как «альтруисты» (13% совершеннолетних россиян, которые осуществляют благотворительную деятельность и участвуют в пожертвованиях); «активисты» (12% совершеннолетних россиян, организующих максимально близкую окружающую среду в рамках города, района, многоквартирного дома); «участники социализирующих досуговых практик» (9% совершеннолетних россиян, которые включены в деятельность сообществ по интересам, имеем в виду курсы, тренинги, семинары и т.д.); «волонтеры» (8% совершеннолетних россиян, интегрированных в некоммерческие организации, участвующих в правозащитных акциях, являющихся членами профсоюзов или иных профессиональных объединений) [10, 11].

Важное значение именно гражданской солидарности в процессе консолидации общества подчеркивает и А. Б. Гофман. Он обращает внимание на то, что любые формы солидарности, включая семейно-родовую, религиозную, национальную, профессиональную становятся действительными только в том случае, если они инкорпорированы в гражданскую солидарность. Более того, отмечает исследователь, без гражданской солидарности, «какими бы мощными и всеохватывающими они ни казались, они несут с собой огромный потенциал дезинтеграции и разрушения. Все эти партикуляризмы без универсального начала в пределах гражданской нации и более широких социокультурных ареалов и сообществ носят деструктивный характер и неизбежно ведут страну к распаду» [12, с. 161]. Устойчивая гражданская солидарность может быть результатом наделения секулярного гражданского мира сакральными чертами.

На наш взгляд, усиление солидаризации на первичном социальном уровне может позитивно повлиять на уровень взаимного доверия в обществе, но на уровне теоретического сознания должна разрабатываться интегративная ценностная парадигма, позволяющая формировать идеологию общественного согласия. Эти задачи не теряют своей актуальности для современной России, в том числе с учетом традиций российской обществоведческой мысли и ее установками на «кооперативность». Резюмируя, можно отметить, что современное российское общество имеет потенциал для конструирования приемлемой для граждан модели солидарного общества, которое будет базироваться на воспитании солидарности, отказе от принудительно-этатистской модели, на культивировании принципов гражданственности и интеграции семейной, этноконфессиональной и неформальной солидарности. Создание подобной интеграционной модели является условием социальной стабильности российского общества и дальнейшего движения вперед.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 23-28-01474 «Солидарное общество: от дискурсивного анализа - к социальной практике», <https://rscf.ru/project/23-28-01474/>

Литература

1. Ильин В. В. *Философия кризиса: самосознание человечества в эпоху катастрофических перемен* // *Российский гуманитарный журнал*. 2021. Т. 10. №1. С. 3–17.
2. Зимова Н. С., Фомин Е. В. *Сетевая солидарность как ответ на коллективную травму (на примере специальной военной операции России на Украине)* // *Социально-гуманитарные знания*. 2022. №3. С. 148–165.
3. Лавров П. Л. *Исторические письма* // *Философия и социология. Избр. произведения: в 2 т.* М., 1965. Т. 2.
4. Михайловский Н. К. *Что такое прогресс* // *Избр. труды по социологии: в 2 т.* Т. 1. СПб., 1998.
5. Туган-Барановский М. И. *Социальные основы кооперации*. М., 1989.
6. Мечников Л. И. *Цивилизация и великие исторические реки: статья*. М., 1995.

7. Ковалевский М. М. *Современные социологи. Критический обзор теорий и концепций крупнейших социологов XIX века*. Изд. 4. М., **2013**.
8. Мальсагова Х. И. Мобилизационная солидарность и патриотизм в политическом пространстве современной России // *Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология*. **2018**. Т. 4(70), №S2. С. 90–94.
9. Сердюков Б. В. Гражданская солидарность в условиях пандемии COVID-19 // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. **2022**. Т. 15. №4. С. 340–365. DOI: 10.21638/spbu12.2022.403.
10. Богомолова Е. В. Повседневность россиян: гражданские и потребительские практики // *Мир России*. **2017**. Т. 26. №1. С. 180–197.
11. Петухов В. В. Гражданское участие в современной России: взаимодействие политических и социальных практик // *Социологические исследования*. **2019**. №12 С. 3–14. URL: <http://ras.jes.su/socis/s013216250007743-0-1>. DOI: 10.31857/S013216250007743-0.
12. Гофман А. Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // *Социологический ежегодник. 2012: Сб. науч. тр.* М.: ИНИОН РАН, **2013**. С. 97–167.

Поступила в редакцию 28.07.2023.

DOI: 10.15643/libartrus-2023.4.4

Foundations of social solidarity for modern Russia

© R. Kh. Lukmanova*, I. V. Frolova

*Ufa University of Science and Technology
32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

**Email: lukmanovark@mail.ru*

The authors of the article study the problem of finding common grounds and formats for restoring social solidarity in post-Soviet Russia. The authors appeal to the heritage of Russian social science thought of the 19th century (P. L. Lavrov, M. I. Tugan-Baranovsky, M. M. Kovalevsky), which considered cooperation as the basis of social solidarity. The basis for a modern model of cooperation can be microsocial practices, including family, ethno-confessional and informal solidarity. The analysis of the state of these forms of solidarity shows that each of them has its own advantages. Nevertheless, each of them has weaknesses that do not allow us to construct a unified model of solidarity based on the format. For example, family solidarity is associated with the development of clannishness. Regional solidarity is ineffective due to the weak realization of the principle of equality of all citizens and regions before the law. The ethno-confessional format has led to the degeneration of patriotism into nationalism and the development of xenophobia. Civic solidarity lacks social agreement on the key points of citizenship. Informal solidarity has a situational character and does not lead to macro-group integration due to underdeveloped interpersonal trust and the degradation of social infrastructure in the form of public organizations. Integration of different forms of solidarity through the development of mechanisms of civic participation, as well as the practice of educating solidarity, can become the basis for social cohesion and consent, and a refusal to force solidarity. An integrative model of solidarity, combining features of different forms, is more consistent with the specifics of modern Russian youth and the interests of society as a whole.

Keywords: solidarity, P. L. Lavrov, M. I. Tugan-Baranovsky, M. M. Kovalevsky, cooperativeness, consolidation of society, family solidarity, ethno-confessional solidarity, informal solidarity, civic solidarity.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Lukmanova R. Kh., Frolova I. V. Foundations of social solidarity for modern Russia // *Liberal Arts in Russia*. 2023. Vol. 12. No. 4. Pp. 221–228.

References

1. Il'in V. V. *Liberal Arts in Russia*. 2021. Vol. 10. No. 1. Pp. 3–17.
2. Zimova N. S., Fomin E. V. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 2022. No. 3. Pp. 148–165.
3. Lavrov P. L. *Filosofiya i sotsiologiya. Izbr. proizvedeniya: v 2 t.* Moscow, 1965. Vol. 2.
4. Mikhailovskii N. K. *Izbr. trudy po sotsiologii: v 2 t.* T. 1. Saint Petersburg, 1998.
5. Tugan-Baranovskii M. I. *Sotsial'nye osnovy kooperatsii [Social bases of cooperation]*. Moscow, 1989.
6. Mechnikov L. I. *Tsivilizatsiya i velikie istoricheskie reki: stat'i [Civilization and great historical rivers: articles]*. Moscow, 1995.
7. Kovalevskii M. M. *Sovremennye sotsiologi. Kriticheskii obzor teorii i kontseptsii krupneishikh sotsiologov XIX veka [Modern sociologists. A critical review of the theories and concepts of the largest sociologists of the 19th century]*. Izd. 4. Moscow, 2013.

8. Mal'sagova Kh. I. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Sotsiologiya. Pedagogika. Psikhologiya*. **2018**. Vol. 4(70). No. S2. Pp. 90–94.
9. Serdyukov B. V. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya*. **2022**. Vol. 15. No. 4. Pp. 340–365. DOI: 10.21638/spbu12.2022.403.
10. Bogomolova E. V. *Mir Rossii*. **2017**. Vol. 26. No. 1. Pp. 180–197.
11. Petukhov V. V. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. **2019**. No. 12 Pp. 3–14. URL: <http://ras.jes.su/socis/s013216250007743-0-1>. DOI: 10.31857/S013216250007743-0.
12. Gofman A. B. *Sotsiologicheskii ezhegodnik. 2012: Sb. nauch. tr.* Moscow: INION RAN, **2013**. Pp. 97–167.

Received 28.07.2023.